

АЛЕКСАНДР ТАРАРУШКИН

КЛУБ

МЁРТВЫХ
ПЕРСОНАЖЕЙ

18+

Александр Тарарушкин
Клуб мёртвых персонажей
Серия «Расследования
Бекендорфа», книга 5

*<https://litres.ru/73953481>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Пятая книга из серии "Расследования Бекендорфа".

Санкт-Петербург, 1885 год. В городе появляется таинственный «Клуб мёртвых персонажей»: барышни собираются по ночам в квартире некой баронессы, чтобы вызывать духи умерших книжных героев. Но после очередного заседания участницы начинают гибнуть одна за другой, причем по-настоящему, а каждая смерть копирует сцены из известных классических произведений.

Судебный следователь Григорий Бекендорф и его молодой помощник Аркадий Оболенский берутся за дело. Им предстоит распутать клубок из книжных улик и фальшивых самоубийств, чтобы выйти на след убийцы, превратившего литературу в орудие мести.

В финале книги вас ждут три концовки: реалистичная, идеалистическая и мистическая. Выбирайте ту, которая вам ближе всего, и решайте сами, что же это всё-таки было...

Содержание

Преамбула	4
Аннотация	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	31
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Тарарушкин

Клуб мёртвых персонажей

Преамбула

При написании книги автор использовал только свой творческий потенциал, фантазию и писательский навык.

Автор не использовал нейросеть и искусственный интеллект и несёт полную ответственность за предоставленные сведения.

Автор не разделяет и не поддерживает любые формы насилия.

Автор не разделяет, не поддерживает и осуждает суицид.

Все описываемые персонажи и действия являются художественным вымыслом. Любое сходство с реальными людьми и событиями – случайно.

Автор старается придерживаться евангельских и православных ценностей во всей их полноте, в меру сил.

Автор допускает некоторые исторические неточности, так как, к сожалению, не жил в описываемый временной период.

Аннотация

Санкт-Петербург, 1885 год. В городе появляется таинственный «Клуб мёртвых персонажей»: барышни собираются по ночам в квартире некой баронессы, чтобы вызывать духи умерших книжных героев. Но после очередного заседания участницы начинают гибнуть одна за другой, причем по-настоящему, а каждая смерть копирует сцены из известных классических произведений.

Судебный следователь Григорий Бекендорф и его молодой помощник Аркадий Оболенский берутся за дело. Им предстоит распутать клубок из книжных улик и фальшивых самоубийств, чтобы выйти на след убийцы, превратившего литературу в орудие мести.

В финале книги вас ждут три концовки: реалистичная, идеалистическая и мистическая. Выберите ту, которая вам ближе всего, и решайте сами, что же это всё-таки было...

Пролог

Санкт-Петербург, 1885 г.

Лето.

Среда. Полночь.

В полумраке комнаты за большим круглым столом собралась несколько представительниц прекрасного пола. На столе горели восковые свечи, единственное окно было занавешено тёмной шторой, а зеркало возле шкафа с книгами прикрыто тканью серого цвета. Слово взяла председатель клуба:

– Наше первое заседание объявляю открытым! – сказала она хриплым голосом с иностранным акцентом и обратилась к одной из девушек приказным тоном: – Зачитывай первый отрывок из книги!

Девушка вздрогнула, обвела всех присутствующих испуганным взглядом, открыла книгу, которая лежала перед ней, нашла заложенное место и, пододвинув горящую свечу поближе, приступила к монотонному чтению негромким голосом:

– Быстрым, лёгким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо её проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колёса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась

определить середину между передними и задними колёсами и ту минуту, когда середина эта будет против неё... 1¹

– Остановись! Не делай этого! – истошно закричала другая девушка, перебив чтение.

– Одумайся, у тебя же дети, муж, любовник! – закричал ещё один девичий голос.

В комнате кто-то подавил смешок.

– У тебя вся жизнь впереди! – закричала ещё одна девушка.

Раздалось несколько наивных девичьих призывов, но их остановил тот же хриплый и властный голос:

– Хватит! Достаточно! Попрошу полную тишину!

В комнате всё замерло. Девушки переглянулись. Спустя мгновение раздался тот же женский голос:

– Ничего не случилось, поэтому продолжай читать!

На этот раз девушка начала зачитывать более эмоциональным голосом:

– И ровно в ту минуту, как середина между колёсами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и лёгким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колени. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. „Где я? Что я делаю? Зачем?“ Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло её в голову и потащило за спину. „Господи, прости мне всё!“ – проговорила

¹ Толстой, Л. Н. «Анна Каренина»

она, чувствуя невозможность борьбы².

Девушка замолчала, кто-то из присутствующих успел всплакнуть, и в комнате опять повисла тишина.

– Итак, уважаемые члены клуба, мои дорогие девочки! Вы не смогли спасти жизнь несчастной женщины, поэтому берёмся все за руки, задуваем свечи и повторяем за мной! Каренина Анна, приди!

– Каренина Анна, приди! – повторяли девушки в один голос.

– Каренина Анна, приди...

² Толстой, Л. Н. «Анна Каренина».

Глава 1

Четверг. День

По булыжной мостовой набережной реки Мойки раздавались быстрые шаги прохожего полного телосложения, одетого в длинное светло-коричневое пальто, чёрную широкополую шляпу, закрывающую часть лица, и чёрные перчатки. Он шёл уверенно к одному из домов на другой стороне улицы, изредка поглядывая по сторонам, приподнимая шляпу. Увидев, наконец, нужный дом, незнакомец сделал резкий шаг на проезжую часть, но тут же отскочил обратно на тротуар, едва не попав под колёса проезжающей мимо чёрно-красной кареты с двумя лошадьми во главе. Извозчик успел отвести лошадей, побранил прохожего и, не останавливаясь, продолжил путь. От раздавшегося шума пробудился околоточный, мирно спавший в своей полицейской будке на углу улицы. Но так как всё обошлось благополучно и без жертв, служитель порядка спокойно отправился досматривать свой сон. Незнакомец, придя в себя, всё-таки перебежал проезжую часть и оказался около дома. Он встал перед центральным входом, немного отдышался, огляделся по сторонам, убедился, что околоточный дремлет, а извозчик скрылся из виду. Затем аккуратно приоткрыл входную дверь. Раздался противный скрип несмазанных петель. Войдя в парад-

ную, неизвестный замер, прислушиваясь к звукам в доме. Внутри стояла плотная тишина, слабо горели керосиновые лампы, и пахло сыростью. Подняв голову, человек отметил тёмное пространство внутри лестничных пролётов, уходящее вверх, словно перевёрнутый колодец. Ловкими движениями и придерживая шляпу на ходу, он поднялся на третий этаж и, найдя дверь нужной квартиры, снова замер. Немного постоял перед ней, потом развернулся и подошёл к лестничному пролёту. Глянув вниз, он провёл по перилам рукой и крепко сжал их напоследок. Затем резко повернулся, достал тугую верёвку из внутреннего кармана пальто и, сделав уверенный шаг к двери, нажал на кнопку электрического звонка.

В мрачной тишине раздалась звонкая трель.

Через несколько секунд, которые показались минутами, дверь открыла женщина среднего возраста с миловидным лицом, длинными, но не уложенными светлыми волосами, и в свободном домашнем платье ярко-синего цвета. На ногах у неё были чёрные туфли с блестящими круглыми застёжками, которые, переливаясь, отражали тусклый свет, раздававшийся от горящих керосиновых ламп. Неизвестный спрятал руку с верёвкой за спиной и прикрыл лицо шляпой.

– Вам кого? – спросила хозяйка высокомерным тоном.

Неизвестный не ответил и наклонил голову ещё больше.

– Сударь! Вам кого? – повторила свой вопрос женщина и попыталась заглянуть под шляпу.

Человек не спеша поднял голову, и женщина сразу узнала гостя. Она вздрогнула, зажала рот рукой и начала пятиться назад. Незнакомец переступил порог, закрыл за собой входную дверь и достал из-за спины верёвку. Женщина вздрогнула ещё больше, задрожала всем телом и начала метаться из стороны в стороны, пытаясь куда-нибудь спрятаться или убежать. Но как только она развернулась спиной, неизвестный набросился на неё и накинул петлю на шею. Женщина пыталась руками сорвать её, но невозможно было просунуть пальцы между кожей и верёвкой. Она стала задыхаться и слабеть. У неё подкосились ноги, и она вместе с напавшим упала на пол. Несчастная хрипела, брыкалась ногами и что есть силы боролась за свою жизнь. Но душитель и не думал ослабевать хватку. Через несколько мгновений женщина затихла совсем. Человек не спеша встал, убедился, что женщина мертва, снял верёвку с шеи, поднял упавшую шляпу, отряхнул её и прошёлся по квартире. Затем открыл входную дверь, снова прислушался к тишине, взял тело погибшей за ноги и вытащил её на лестничную площадку...

Глава 2

Пятница. Утро

В полицейском доме Александро-Невской части, в так называемом съезжем доме Каретной части, всю кипела жизнь. Это неудивительно, в Каретной части находилось не только отделение полиции по Александро-Невскому району Петербурга, но и пожарная часть, о чём свидетельствовала высокая каланча в самом здании, по верху которой ходили дозорные и наблюдали, не вспыхнул ли где пожар в столице.

На втором этаже полицейского отделения в одном из кабинетов сидел судебный следователь Григорий Иванович Бекендорф, погружённый в изучение очередного дела. Это был отставной военный сорока пяти лет, среднего роста и плотного телосложения. У него было мужественное лицо с большим, почти орлиным носом, широкими скулами и волевым подбородком. Это лицо украшали пышные усы, кончики которых он любил подкручивать в минуты раздумья, уверенно шагая при этом по помещению. Имел пронзительный и умный взгляд маленьких чёрных глаз под густыми бровями. Григорий Иванович владел несколькими иностранными языками, но при выборе книг предпочтение отдавал отечественным писателям, нежели заграничным. Обладал тонким чувством юмора, отменной памятью и наблюдательностью.

Носил двубортный тёмно-зелёный мундир и такого же цвета брюки с красными лампасами. Всегда при себе имел шестизарядный револьвер системы Смита – Вессона сорок четвёртого калибра в кобуре. На должности судебного следователя Бекендорф состоял уже несколько лет и за раскрытые им прошлые преступления награждён орденом Святого Владимира из рук ныне покойного Александра Второго. Григорий Иванович был женат и был отцом десятилетней дочери Тани, о чём не раз любил говорить при случае.

Размеренное изучение очередного дела нарушил ворвавшийся в кабинет молодой человек приятной наружности.

– Ваше благородие...

Следователь не любил, когда его так называли, и недовольно посмотрел на вошедшего.

– Ой, простите! – осёкся вошедший. – Я хотел сказать, Григорий Иванович!

Бекендорф не изменил своего выражения лица.

– Извините, что вошёл без стука, – поникшим голосом сказал молодой человек, осознав свою вторую ошибку.

– Никак от этого не отучитесь! – немного оттаял следователь и указал рукой на свободный стул.

Ворвавшегося молодого человека звали Аркадий Андреевич Оболенский. Он состоял в помощниках у Бекендорфа и уже успел отличиться в прошлых делах, что подтверждается его присутствием на службе. Аркадий также был бывший военный, поучаствовал в сражениях на Кавказе, имел несколь-

ко боевых наград и дослужился до звания поручика. Но эту службу он оставил ради азарта раскрытия сложных и запутанных дел. Это он так сам говорил. На деле же было вовсе не так. Аркадий обладал тонкой душевной организацией, писал стихи и не мог обойтись без общества прекрасных дам – чего как раз не хватает на любой войне. После возвращения с Кавказа случилось то событие, которое он сам от себя никак не ожидал, – он женился. Но брак оказался недолгий. Его молодая жена Варвара спуталась с каким-то подполковником и отправилась с ним, как раз на Кавказ. Аркадий болезненно воспринял такие внезапные повороты в судьбе, обозлился на весь женский род и решил для себя больше не вступать с ними ни в какие отношения. И зарёкся писать стихи, что как раз совпало с постоянной критикой его творчества со стороны грозного начальника Григория Ивановича. Однако саму литературу Аркадий не оставил и читал всё подряд. Аркадию было двадцать лет, он был среднего роста, подтянутого телосложения, имел красивое лицо с острыми скулами, прямым носом и голубыми глазами. Отсутствие бороды, усов и светлые волосы дополняли образ этого молодого полицейского-поэта. Аркадий носил красный парадный мундир и белые перчатки, хотя это не полагалось по уставу, но Бекендорф сделал для него исключение. Табельного оружия при себе не имел. У молодого человека всегда были начищенные туфли и идеально выглаженные чёрные брюки. Он имел привычку врываться в кабинет без стука и также вне-

запно его покидать.

– Я вот по какой причине вас беспокою, – начал Оболенский, расположившись на гостевом стуле. – К нам прибыл городской Александро-Невского района и сообщил, что в доходном доме Воронина обнаружили труп самоубийцы.

– Такие случаи меня не интересуют! – резко ответил Бекендорф и уткнулся в свои листки на столе.

– Да, я в курсе. Но это женщина! И она повесилась!

– И что вас в этом удивляет, мой друг? – спросил Бекендорф, с укоризной взглянув на помощника из-под густых бровей. – Или вы привыкли к тому, что барышни кончают жизнь, бросившись в воду?

– Ни в коем случае. Я вообще против любых форм насилия. Тем более над собой, – начал оправдаться Аркадий. – Но дело в том, что жертва найдена повешенной в свадебном платье!

Следователь снова сделал недовольное лицо и равнодушно произнёс:

– Несчастливая любовь – бросил жених перед свадьбой!

– Нет, Григорий Иванович, погибшую опознали, это княгиня Светлана Несвицкая, и она уже была замужем много лет.

– Хм! – следователь задумался и не мог найти определения этому факту. – Ещё что-нибудь известно? – заинтересованно спросил Бекендорф после небольшой паузы.

– Да, городской говорит, что тело обнаружил сосед с ниж-

него этажа дома, где проживала погибшая. Он обнаружил тело женщины вчера вечером, повешенной за перила лестничного пролёта.

– Вчера? – переспросил Григорий Иванович.

– Да, вчера. Но сказал об этом околоточному только сегодня утром. Тот, убедившись в его словах, отправил к нам городского, а сам остался охранять тело.

– Кто остался охранять? – спросил Бекендорф.

– Околоточный.

– А куда делся сосед?

– Не могу знать, ваше... – осёкся Аркадий и замолчал.

– Хм! Почему он, обнаружив тело вчера, сообщил об этом только утром? – задал вопрос Бекендорф, не ожидая услышать ответ от своего помощника, а Оболенский как раз лишь пожал плечами. – И зачем кончать жизнь у всех на виду? – снова он спросил сам себя. – Выглядит действительно странно. Ладно, Аркадий, отложим пока текущие дела и давайте-ка съездим посмотрим на эту вашу самоубийцу. Где, вы говорите, её нашли? – спросил Григорий Иванович, вставая из-за стола.

– Доходный дом Воронина на набережной реки Мойки.

– А, это там, где знаменитые Воронинские бани?

– Они самые! – с нескрываемой симпатией к этому месту ответил Аркадий.

Бекендорф поправил полицейский мундир, взял с вешалки фуражку и вышел из кабинета. Аркадий выскочил сле-

дом, приободрённый тем, что смог заинтересовать своего начальника.

Внизу сыщиков встретил городской, унтер-офицер Валерий Викторович Маслов. Мужчина среднего возраста, крепкого телосложения, с тонкими и идеально подкрученными усами, напоминающие руль велосипеда. Он был облачён в длинный двубортный белый китель с погонами на плечах и тремя посеребрёнными гомбочками³ на них, обозначающими высший оклад. На ногах штаны-шаровары синего цвета и чёрные сапоги. На голове у него была белая фуражка с чёрным козырьком, а на поясе – кобура с красным шнуром, перехваченным на шее. Городской Маслов точь-в-точь повторил слова Аркадия, и они все вместе отправились к месту происшествия в открытом полицейском ландо, ведомом двумя лошадьми и кучером Тихоном.

Когда они подъезжали к дому Воронина, из парадной выскочил молодой гимназист и сразу скрылся за угол дома. Следователь успел его заметить, а также обратил внимание на пустую деревянную будку околоточного, из которой хорошо открывался вид на дом и проезжую часть.

Остановившись у входа, полицейские вышли из кареты, зашли внутрь дома и почти одновременно задрали голову вверх. Мужчинам в полумраке явилась мрачная картина. Обмякшее тело женщины в белоснежном свадебном платье свисало с площадки третьего этажа, словно тряпичная кукла.

³ Металлические кольца.

Оболенский испуганно посмотрел на Бекендорфа, а тот, не отводя взгляда от покойницы и не смотря себе под ноги, сделал первый шаг по направлению к ней. Аркадий, перебарывая страх, вынужденно последовал за ним. Городовой Маслов хладнокровно шёл рядом. С любого места лестницы тело женщины было хорошо видно полицейским, за исключением лица. Голова покойной завалилась набок, и свисающие светлые волосы полностью закрывали его. Каждый шаг полицейских приближал к ней. Мужчины как будто кружились вокруг неё, а она не двигалась и ждала, когда они подойдут ближе, может, тогда зашевелится...

– Не убирали до вашего приезда, ваше благородие! – произнёс мужской голос.

– Что? – одёрнулся Бекендорф, ступив на площадку третьего этажа. – А, да, благодарю! – следователь пришёл в себя, приблизился к перилам и посмотрел вниз. Аркадий неуверенно последовал его примеру.

– Со вчерашнего дня висит! – опять сказал голос. – Княгиня Светлана Несвицкая, тридцать пять лет, – доложил тот же голос.

Бекендорф перевёл взгляд на говорящего и вопросительно посмотрел на него.

– Околоточный Семён Михайлович Брагин, – представился собеседник и приложил руку к виску.

Семён был молодым человеком двадцати пяти лет в звании фельдфебеля. Носил чёрного цвета двубортный мундир,

застёгивающийся на крючки, и такого же цвета шаровары с красной окантовкой.

– Судебный следователь Григорий Иванович, а это мой помощник Аркадий Оболенский, – представился Бекендорф в ответ тихим голосом, словно боясь побеспокоить покойницу, и тут же спросил: – Почему об этом доложили только утром?

– Сосед снизу рассказал о случившемся только сегодня утром, – развёл руками околоточный. – И мы сразу отправились к вам.

– А что, в доме больше никто не живёт? – уточнил Григорий Иванович.

– Не все квартиры заняты, кто-то съехал, кто-то на дачах. Лето же, – ответил Брагин бодрым голосом.

– А, ну да, ну да. – согласился с этим доводом следователь. – Где он сейчас, этот ваш сосед?

– Закрылся у себя на втором этаже.

– Ясно, позже зайдём, побеседуем! Где, говорите, проживала погибшая?

– А вот квартира напротив! Не заперта! – вмешался в разговор городской Маслов, и, указав рукой на дверь, отведя при этом взгляд.

Следователь взглянул сначала на городского, а потом на дверь.

– Благодарю. Можете убирать тело, – добавил Бекендорф.

– Есть! – бодро ответил околоточный.

– Аркадий, помогите Семёну и Валерию Викторовичу, вы как раз в перчатках, – приказал Григорий Иванович. – А я пока осматриваю квартиру.

– Э-э-э, – растерянно замычал помощник.

– Я помню, что вы против насилия, поэтому не бойтесь, женщина не окажет вам сопротивления и не укусит, – добавил Григорий Иванович.

Аркадий посмотрел на свои руки, снова заглянул вниз и произнёс обречённым голосом:

– Есть помочь убрать тело.

Околоточный и городской переглянулись с усмешками, а Бекендорф направился в квартиру.

Следователь отворил дверь, которая открылась с противным скрипом. Внутри было достаточно светло. И создавалось ощущение, что время здесь как будто остановилось, и все вещи ждали возвращения хозяйки. Только большие часы в гостиной монотонно продолжали свой ход. Григорий Иванович прошёлся по коридору, осмотрел пол, вешалку с верхней одеждой, и направился в гостиную. Часы как раз звонко начали бить. Бекендорф насчитал десять раз и огляделся вокруг. В гостиной вдоль одной стены красовался большой шкаф с книгами, расставленными в идеальном порядке, напротив располагался широкий диван, над которым висела картина с морским пейзажем. В углу стояла большая китайская ваза. По бокам гостиной располагались входы в другие комнаты. Следователь прошёлся и заглянул в одну из

комнат, дверь которой также открылась со скрипом. Внутри оказалась гардеробная: часть одежды висела на вешалках, часть была не разобрана и находилась в больших коробках. Побыв там недолго, Бекендорф отправил через гостиную в другую комнату, которая оказалась спальней. Он прошёлся по ней, и ему приглянулся туалетный столик с зеркалом и многочисленными ящиками. На нём находилось несколько предметов, разложенных в идеальном порядке. Они лежали на одинаковом расстоянии друг от друга, словно оно было отмерено по линейке, кроме одной вещи – открытого конверта с листком бумаги внутри. Он лежал на столике так, будто его бросили или подвинули. Бекендорф достал листок, аккуратно вырезанный по краям, с текстом следующего содержания:

«В моей смерти прошу никого не винить».

Григорий Иванович задумчиво осмотрел листок со всех сторон и убрал себе в карман. Рядом с конвертом лежали канцелярский нож для вскрытия конвертов и толстая книжка в потрёпанной обложке, на которой красовался текст: «Анна Каренина: роман графа Л. Н. Толстого». Следовательно открыл книгу и увидел на первой странице красивую круглую печать Императорской публичной библиотеки. Закрыв обложку и вернув книгу в ровное состояние, Бекендорф обратил внимание на фотокарточку в рамке. На ней была запечатлена женщина, похожая на погибшую, с мужем и двумя детьми. Женщина выглядела счастливой. Затем следователь

по очереди начал выдвигать маленькие ящички. В ящиках справа от зеркала были различные дамские украшения, которые также лежали в идеальном порядке или в отдельных шкатулках. В ящиках слева были письма и записки, они были разбросаны и перемешены.

– Хм! – многозначительно произнёс следователь и достал из кармана предсмертную записку.

Положив её на, Бекендорф взял первый попавшийся конверт с указанием, что он написан княгиней Несвицкой, и принялся сверять почерки, стараясь не вчитываться в содержимое письма. Как раз в этот момент в квартиру вошёл Оболенский.

– Григорий Иванович, вы где? – крикнул он из гостиной.

– В спальне, идите на голос, – отозвался Бекендорф.

Аркадий бесшумным шагом зашёл в комнату.

– Мы подняли тело! – с ходу доложил он.

– Прекрасно, я знал, что вы справитесь, – ответил следователь, не отрываясь от изучения почерков.

– У меня сложилось такое впечатление, что я уже что-то похожее делал или видел, только не помню когда. Может быть, это дежавю или во сне приснилось? – задумчиво произнёс помощник.

– Зная вас, то, скорее всего, во сне, – равнодушно сказал Григорий Иванович. – Аркадий, будьте любезны, подойдите сюда. Нужна ещё одна пара глаз. Тем более вы стихи пишете. Оболенский послушно подошёл к столику.

– После вашей критики уже не пишу, – обиженно произнёс он.

– Будет вам, некоторые были даже ничего. Посмотрите лучше сюда, похожи ли эти почерки? – попросил Бекендорф.

Аркадий нагнулся и принялся сверять написанные тексты.

– Идентичны! – звонко заключил он после проведённого анализа.

– И мне тоже так кажется, – кивнул следователь и вернул письмо на место, а записку убрал себе в карман.

Аркадий также осмотрел содержимое столика, обратил внимание на нож и на фотокарточку.

– Это, видимо, муж погибшей? – указал он пальцем на мужчину.

– Я даже больше скажу: это, видимо, её дети, – с небольшой долей иронии ответил Бекендорф, а Оболенский понимающе кивнул в ответ. – Пойдёмте, Аркадий, нам тут делать больше нечего.

Перед выходом из квартиры следователь ещё раз взглянул на пол перед входной дверью, осмотрел вещи на вешалке и дверной проём. Выйдя, Бекендорф нагнулся к телу княгини, которую вытащили и уложили на холодный пол лестничной площадки. Волосы растрепались, и можно было рассмотреть её лицо. Некогда красивое лицо перекосила предсмертная судорога, и теперь вызывало отвращение. Следователь снова прикрыл его волосами и осмотрел платье. Оно было из неж-

ного шёлка, кристально-белого цвета, полностью закрывающее шею и грудь. Платье было свободно в талии и раскрывалось широкой юбкой. На ногах, не в подбор к платью, красовались чёрные туфли с блестящими застёжками. Выпрямившись в полный рост, следовательно с задумчивым выражением лица подошёл к перилам и посмотрел вниз. Трое других мужчин молча наблюдали за ним и ждали дальнейших его поручений.

– Семён, вы же постоянно находитесь в своей будке на углу? – обратился Бекендорф к околоточному не оборачиваясь.

– Так точно! – ответил доблестный служитель порядка.

– Видели ли вчера что-нибудь странное или подозрительное? – резко обернулся Григорий Иванович.

– Э-э-э, – замялся околоточный Брагин, вспомнив, как задремал вчера раньше времени. – Да так, ничего особенного не было. Только какой-то толстяк в светло-коричневом пальто и большой чёрной шляпе едва не попал под колёса чёрно-красной кареты. Наверное, как раз из-за этой шляпы. Напаял себе на глаза и идёт, что аж ничего не видит по сторонам. Извозчик потом громко ругался на него. А так больше ничего.

– А потом куда он направился?

– Толстяк или извозчик?

– Толстяк! – уточнил следовательно Бекендорф.

– Не могу сказать, ваше благородие, отвлёкся на что-то

ещё. – виновато ответил молодой человек.

– Понятно, ну что же, больше не отвлекайтесь тогда.

– Слушаюсь, ваше благородие. – ответил околоточный Брагин.

– И ещё один вопрос. – решит уточнить Григорий Иванович. – Вы сказали, что здесь никто ни живёт, кроме жильца на втором этаже, так?

– Так точно, выше благородие!

– Так вот, по приезду сюда я видел, как из парадной выскочил молодой гимназист, кто это был?

– Да так, мальчишка какой-то заскочил, ошибся адресом. Я его сразу прогнал, чтобы тут не болтался, – сказал Семён и переглянулся с городовым.

– Бывает такое, захаживают, – подтвердил слова околоточного городовой Маслов.

– Понятно! – ответил следователь, пожевал губами и обратился уже к городовому: – Где, говорите, живёт сосед, который обнаружил повешенную?

– Этажом ниже. Восьмая квартира. Николаем зовут, – ответил городовой Маслов.

– Благодарю! Пойдёмте, Аркадий, заглянем к нему ненадолго. А вы, Семён и Валерий Викторович, можете увозить тело в полицейский морг. Нечего ему тут лежать, а то, как вы говорите, посторонние ходят, – приказал Бекендорф и вместе со своим помощником направился вниз по лестнице.

Вдруг околоточный Брагин громко крикнул, так что его

голос отдался глухим эхом от стен дома:

– Вспомнил!

Григорий Иванович и Аркадий резко обернулись.

– Вы уж, молодой человек, так не кричите, а то побеспокойте кого ненароком, – сказал Бекендорф. – И поведайте нам скорее, что вы вспомнили.

– Прошу прощения, – извинился околоточный Брагин и перешёл на шёпот. – Вы спросили, видел я что-нибудь особенное или странное? Так вот, было ещё светло, когда проехала та самая чёрно-красная карета, которая чуть не задавила толстяка, и я успел заметить её номер⁴ на спинке кареты. Уж очень он бросился в глаза, этот номер.

– Ну не томите, говорите же, какой номер, – попросил следователь.

– Как у зверя в Апокалипсисе: шестьсот шестьдесят шесть, – ответил околоточный.

Аркадий удивлённо вскинул брови, а Бекендорф спокойно отреагировал на эту информацию.

– Хорошо, найдём потом этого загадочного извозчика и спросим про прохожего, – ровным голосом сказал Бекен-

⁴ Номерные знаки извозчиков в России начали выдавать с конца XVIII века. Первоначально они выдавались с целью подтверждения того, что извозчик оплатил пошлину, и он имеет право на извоз. Позже они начали служить для контроля, а также некой защитой для пассажиров, чтобы в случае чего они могли зафиксировать этот номер и пожаловаться на извозчика в полицию. Кожаные ярлыки, а в последствии металлические таблички с номером крепились на спине коляски, тарантаса, брички, телеги, кареты, а зимой на спинку саней.

дорф и продолжил спуск на второй этаж. Аркадий поспешил за ним, вернув брови на место.

Подойдя к восьмой квартире, Григорий Иванович едва успел нажать на кнопку электрического звонка, как дверь тут же распахнулась. На пороге показался мужчина невысокого роста, полного телосложения, с короткими кудрявыми волосами. Одет он был в домашний халат бордового цвета и в тапочки на босу ногу. На лице у него блестели круглые очки в тонкой оправе.

– Вы из полиции? – спросил он волнительным голосом и выглянул из проёма двери, пытаясь глазами найти повешенную.

– Всё верно, – ответил Бекендорф и хотел было представиться, но не успел.

– Это я её увидел. Вчера вышел, э-э-э, по делам, а она там, висит, – указал мужчина в халате своей пухлой рукой с дрожащими и короткими пальцами.

– В котором часу это было? – спросил следователь, осознав бесполезность своего представления.

– А? Что? Час? Не помню. Может быть, три часа, четыре, или пять. Не обратил внимания. Я как увидел её, так сразу к себе обратно. Думал сначала, показалось. Оно ведь знаете, как бывает: привидится что-нибудь, думаешь, это так и есть, потом глаза зажмуришь, откроешь, а этого ничего и нет. Вот я снова открыл дверь, выглянул, а она всё равно висит. Ну, значит, не привиделось. Тогда я решил закрыть

дверь и не выходить. Вернулся к себе в комнату, прилёг на кровать, весь задрожал и не мог успокоиться. Своим только успел крикнуть, чтобы не выходили. Сам думаю, что надо бежать к будке околоточного. Она тут, недалеко, на углу. А страшно стало, что покойница там висит. Решил пару капель коньячку принять, для успокоения, так сказать. Оно ведь знаете, как бывает: волнуешься из-за чего-нибудь, переживаешь, лежишь, ворочаешься с бока на бок, уснуть не можешь, потом выпьешь коньячку, но только хорошего, французского, не такого, как в трактирах или банях подают. И сразу хорошо, спокойно на душе. Вот и решил успокоиться таким способом. А для себя прикинул, что пусть до утра повисит, ей-то же уже ничего не будет, и никак не поможешь. С этими мыслями и не заметил, как уснул. А утром, как проснулся, так сразу побежал к околоточному. Честное слово!

– Понятно! – выдохнул Бекендорф. – Всё же постарайтесь вспомнить, в котором часу вы вышли в первый раз и увидели её?

– Не помню, ваше благородие, ей-богу!

Бекендорф поморщился и спросил:

– Вас как зовут?

– Николай Передонов, – ответил сосед.

– Вам знакома погибшая? – уточнил следователь.

– А как же! Княгиня Светлана Несвицкая. Роскошная женщина, – перешёл Николай на шёпот, оглянувшись назад.

– Ох, как я за ней ухаживал, предлагал и то и это. И в трактир звал, и в баньке попариться, и на тройке покататься. Ни в какую. Так, мило улыбалась только и говорила, что после. Верная была супругу своему. А поговаривают, – слегка повысил голос сосед, – что супруг-то её был не против того, ну, это самое, сходить налево, ну это, вы меня поняли! – подмигнул он. – Хотя при такой красавице жене это странно. Хотя оно ведь знаете, как бывает...

– Знаем! – резко оборвал Бекендорф, на что Николай удивлённо вздрогнул.

– Ах, ну да, уверен, что знаете. Вы же из полиции, всякое повидали.

– Вы женаты? – неожиданно спросил Бекендорф.

– Что, простите?

– Жена у вас есть?

– А да, есть! Лидия! И ребёнок у нас есть. Сыночек. Митрофанушка.

Как раз в этот момент в коридоре квартиры показалась кучерявая голова маленького мальчика. Он хотел было выйти, но его тут же схватила за руку милая девушка в платке, показавшаяся следом. Девушка виновато улыбнулась полицейским и скрылась в квартире вместе с мальчиком.

Бекендорф укорительно взглянул на толстяка.

– А зачем же тогда на чужих жён заглядываетесь? – спросил он.

– Ой, ну это я так, не всерьёз. Это же не преступление? –

глупо заулыбался сосед.

– Пока нет. Вы сказали, что хотели выйти вечером, а куда не подскажете? – с нажимом спросил Григорий Иванович.

– Ой, а я уже и не помню, куда хотел пойти. Так, может, прогуляться. Все мысли спутались после увиденного. Ой, меня, кажется, жёнушка зовёт. Надо помочь с Митрофанушкой! – сказал сосед и резко закрыл дверь перед полицейскими.

В этот раз Бекендорф удивлённо вскинул бровями. Аркадий хотел было что-то сказать, но Григорий Иванович остановил эту попытку:

– Мы после проверим его слова, кое-что мне показалось подозрительным в них.

Он подошёл к перилам второго этажа и поднял голову наверх. На третьем этаже, рядом с трупом женщины, приглушёнными голосами вели беседу околоточный и городской.

– Ну что же, Аркадий, пора возвращаться в часть.

Глава 3

Пятница. День

Сыщики спустились на улицу и уютно расположились в полицейском ладно. Кучер хотел было тронуться, но Бекендорф его остановил.

– погоди, Тихон, я хотел бы кое-что уточнить у Аркадия. – сказал он и обратится к своему помощнику: – Ну, мой друг, что скажете?

– Она холодная и тяжёлая, – с ходу ответил Оболенский. – И мне показалось, что я её где-то видел.

– Я не про труп, – уточнил Бекендорф.

– Я не знаю, Григорий Иванович, мне кажется это немного странным, что счастливая женщина вдруг решила покончить жизнь самоубийством.

– Почему решили, что она счастливая? – удивлённо спросил следователь.

– Ну как же! – возразил Аркадий. – В доме всё чисто, убрано и лежит на своих местах. Кругом дорогая мебель, ваза, картина и различные украшения. На фотографии она вместе с мужем и двумя детьми. Всё выглядит так, словно у погибшей была счастливая и беззаботная жизнь.

– Блестяще, Аркадий, вы верно всё подметили и проанализировали, – отреагировал Бекендорф – У неё действительно

но всё было аккуратно разложено и расставлено. Всё, кроме трёх вещей. Две вещи вы не могли увидеть, я о них позже скажу. Первое – её домашнее синее платье висело среди верхней одежды. А это не может себе позволить любая женщина, даже неаккуратная. Вторая вещь, которую вы не видели, это письма в ящиках туалетного столика. Они были в перевёрнутом и разбросанном состоянии. А при аккуратности жертвы это также выглядит довольно-таки странным.

– Может, она что-то искала второпях?

– Возможно. И потом вы правильно обратили внимание на её детей, – продолжил следователь. – Чтобы не подумать о своих детях перед тем, как кончать жизнь самоубийством? Это глупо и опрометчиво.

– Может, они были не желанны и она их разлюбила? – предположил Аркадий.

– Вряд ли этого стоит ожидать это от матери, – парировал Григорий Иванович.

– Согласен с вами, – кивнул Аркадий.

– И третья вещь – это предсмертная записка. – Бекендорф похлопал себя по мундиру в районе груди. – Мне показалось, что её кто-то подбросил или брал уже после...

Однако следователь не успел договорить, так как в этот момент из парадного входа доходного дома выскочил сосед со второго этажа Николай. Он успел сменить домашний халат на белую рубашку, чёрную жилетку, которую не удосужился застегнуть, и клетчатые брюки. На ногах, вместо та-

почек, появились летние туфли коричневого цвета. Он заметил, что полицейские обратили на него свои взоры и не спускают с него глаз. Николай замешкался, поправил очки и стал бить себя по карманам, словно что-то искал. Потом резко развернулся и пошёл в другую сторону, противоположной той, куда направлялся изначально.

Оболенский вопросительно посмотрел на следователя, а тот ухмыльнулся уголком рта.

– А вот теперь, Аркадий, я хотел бы у вас, кое-что уточнить, – сообщил Бекендорф, а молодой человек выпрямил спину и принял серьёзный вид. – Постарайтесь вспомнить: когда мы вместе поднимались по лестнице, видели ли вы лицо погибшей?

– Э-э-э, – протянул Оболенский и принялся водить глазами по сторонам. – Нет, оно было закрыто волосами.

– В том-то и дело, мой друг!

– Не понимаю вас, Григорий Иванович.

– Как сосед Николай понял, что это висит княгиня Несвицкая?

Глава 4

Пятница. День

– Давайте за ним проследим? – звонко предложил Оболенский.

– А с какой целью, Аркадий? – спросил Григорий Иванович.

– Ну как же! Вы же сами сказали, что вызывают подозрение его слова и то, что он с ходу опознал княгиню.

– Да, но у нас нет причин вести расследование, потому что пока всё указывает на то, что это было самоубийство. В связи с чем у нас нет оснований следить за соседом и его допрашивать. – Помощник обречённо кивнул. – Не расстраивайтесь так, мой друг. Я знаю, что мы можем пока сделать! – интригующим голосом произнёс Бекендорф и обратился к кучеру: – Тихон, вези нас на площадь перед Исаакиевским собором.

Кучер Тихон слегка поддел поводьями, и полицейское ландо тронулось в путь.

Площадь перед Исаакиевским собором была знаменита тем, что там собиралось много извозчиков для своей временной стоянки. По дороге Бекендорф объяснил цель посещения этого места. Он хотел найти того самого извозчика чёрно-красной кареты с загадочным номером «шестьсот шесть-

десять шесть», который чуть не задавил прохожего в пальто и шляпе. А так как Исаакиевский собор находится недалеко от доходного дома Воронина, то Григорий Иванович выдвинул предположение, что искать извозчика стоит в этом месте.

На площади перед Исаакиевским собором было уже достаточное количество различных других повозок, и оказалось крайне сложно отыскать нужную. Нещадно палило солнце, и полицейские хотели уже было отказаться от этой затеи и вернуться к себе в часть, как вдруг со стороны Адмиралтейского проспекта появилась как раз та сама чёрно-красная карета с двумя серыми лошадьми во главе. На подножке сидел огромного роста извозчик в синем кафтане и с красным кушаком на поясе. У него была чёрная борода, короткие волосы и большие, словно пудовые гири, кулаки. Стоило его карете встать на свободное место, как Григорий Иванович и Аркадий тут же поспешили к нему.

– Погодите, дайте лошадам-то передохнуть, – раздался глубокий бас с подножки кареты.

– О, на это возражений нет, – произнёс в ответ Бекендорф и погладил одну лошадь по голове. – Лошадки у вас красивые, знатные, пускай отдыхают сколько нужно. И карета у вас такая приметная, чёрно-красная. Мы из полиции, хотим проверить ваш номер. Судебный следователь Григорий Иванович, а это мой помощник Аркадий.

– Ох, и дался людям этот номер! – возмутился извозчик. – Вот вы народ суеверный, во всякую мистику верите. А мне

он, этот номер, наоборот, только прибыль приносит. Я как его получил, так постоянно клиента имею. Барышни особенно любят его, как приметят, так сразу тормозят, чтобы покатались, нервишки, так сказать, себе пощекотать. А я и не отказываю, катаю и денежку с этого имею.

– Понятно. Видимо, обходить карету и смотреть номер смысла нет, – подхватил Григорий Иванович. – Шестьсот шестьдесят шесть, верно?

– Так точно.

– Отлично! Вас как зовут? – спросил следователь.

– Игнатом меня величать! – произнёс извозчик.

– Приятно иметь знакомство, Игнат, – ответил Бекендорф. – Так вот, вы намерены кого-то чуть не задавили?

– Так это, вашбродь⁵, каждый день случается, что под лошадь лезут. Еле успеваю уворачиваться. Лошадки-то мои пугаются потом, переживают от этого, – похлопал Игнат одну из лошадей по крупу.

– Ещё ругались потом громко! – попытался уточнить Бекендорф.

– Так это, вашбродь, я всегда ругаюсь! А чего они по сторонам не смотрят и под копыта лезут?

– Мимо Воронинского дома проезжали, по набережной реки Мойка?

– Так это я там каждый день проезжаю, по несколько раз.

– Господин полного телосложения в светло-коричневом

⁵ Ваше благородие.

пальто и чёрной шляпе?

– Так я каждый день... хотя постоите, вроде припоминаю. В пальто и в большой шляпе возле Воронинского дома? – переспросил извозчик, а Бекендорф сверкнул глазами. – Был такой, сиганул с проезжей части, еле увёл свою кобылку, – Игнат похлопал другую лошадь.

– Очень хорошо, что помните, – загорелся следователь. – Может, заметили что-нибудь в нём странное? Очки, например, или ещё что-нибудь?

– Очки, говорите? – задумался извозчик. – Нет, очков как раз таки не разглядел, лицо же шляпой было прикрыто. Да вроде ничего такого особо приметного и не было больше! А чего он натворил-то?

– Пока выясняем, – ответил следователь. – А не видели, куда он потом отправился?

– Как же не видел? Как раз таки успел увидеть! Перешёл проезжую часть и пошёл напрямик к Воронинскому дому. Наверное, в бани пошёл. Кстати, вот почему шляпу нацепил, чтобы никто не узнал, видимо, там его какая-нибудь барышня ожидала, которая из этих.

– Возможно, – Бекендорф ненадолго задумался. – Благодарю вас, Игнат, – затем произнёс он и погладил кобылку по шее, на что она замотала мордой и фыркнула. Аркадий повторил движения за следователем и погладил другую лошадь.

Извозчик Игнат пожал плечами в ответ, как бы подтвер-

ждая, что не за что. Слегка поддёрнул поводья, и чёрно-красная карета с приметным номером покатила в очередной свой рейс.

– Так вот, получается, куда ходил наш сосед! – высказал своё предположение Оболенский, как только повозка удалась.

– С чего вы взяли, что это был сосед? – спросил Бекендорф.

– Ну как же, толстый, любитель женского пола, успел сбежать от жены и хотел пойти в баню, а при ней не стал этого говорить!

– Точно, Аркадий, съездим и мы туда, пожалуй!

Глава 5

Пятница. Вечер

Воронинские бани, или как их в народе называли – Фонари, по примыканию к Фонарному переулку, были одним из самых популярных мест отдыха в Петербурге. Они были доступны для разных групп населения, и здесь можно было не только помыться и попариться. Из-за близости мужского и женского отделения обычное мытьё порой превращалось в более приятное времяпрепровождение.

Сыщики подъехали к красивой вывеске «Воронинские бани». На входе стоял мужик невысокого роста, но крепкого телосложения с густой чёрной бородой и в свободном сером балахоне. Заметив гостей в полицейских мундирах, мужик немного напрягся и принял строгий вид.

– Доброго здоровьица, господа служивые, попариться решили? – сказал он блеющим голосом.

– Нет, уважаемый, мы по делу, – строго ответил Григорий Иванович. – Хотим кое-что выяснить.

– А у нас всё прилично, никаких таких дел тут не промышляем, – начал оправдываться мужик.

– Это ты о чём? – Мужик замаялся и не ответил. – Вас как величать?

– Егор Елисеевич, но все меня зовут Елисеечем! Банщик

тутошний!

– Так вот, Егор Елисеевич, меня зовут Григорий Иванович Бекендорф, а это мой помощник Аркадий Оболенский. Чем вы тут занимаетесь, мне известно, и меня не касается. Я вот что хочу у вас уточнить: приходил ли к вам вчера мужчина полного телосложения в светло-коричневом пальто, в чёрной шляпе и, возможно, в очках?

– Э-э-э, барин, загадками говоришь! К нам много кто приходит в таком виде, чтобы их не узнали, что они тута!

– Что ты имеешь в виду, если говоришь, что ничем таким не промышляешь? – спросил Бекендорф.

– Ой, ну то есть, я хотел сказать, прячутся от своих благодетельных жён.

– От чего прячутся? Им что, жёны запрещают мыться? – удивлённо спросил Григорий Иванович.

– Нет, барин, мыться не запрещают. Запрещают с другими барышнями это делать, – ляпнул банщик не подумавши.

– Ну вот, а говоришь, что ничего такого тут не делаете.

– Каюсь, бывает иногда, водим барышней для господ.

– Меня эти дамы не интересуют. Меня волнует полный господин в пальто, в шляпе и в очках, – повторил следователь.

– Захаживает такой по четвергам. Но его вчера не было, Богом клянусь! – ответил Егор Елисеевич.

– О чём ты? Какой Бог? После того, что ты мне тут наговорил!

Мужик виновато склонил голову и перекрестился. Григорий Иванович развернулся и направился в ландо. Аркадий, молча наблюдавший допрос банщика, последовал за Бекендорфом.

– Ну вот, выяснили теперь, куда ходил ваш сосед? – спросил его следователь на ходу.

– Но он же сказал, что не выходил? – начала спорить Оболенский.

– Аркадий, у него дома была супруга, и он не мог в её присутствии всё нам рассказать. Хотите, давайте заглянем к нему ещё раз.

Помощник растерянно кивнул.

Поднявшись вновь на второй этаж доходного дома Воронина, сыщики обратили внимание, что на третьем этаже никого нет. Значит, уже успели забрать тело княгини. В этот раз дверь восьмой квартиры открыла миловидная девушка в свободном домашнем платье и платке на голове.

– Вы к Николаю? – спросила она ласковым голосом и пригласила войти. – Его нет, он ушёл.

– А куда? – спросил следователь, переступив через порог.

– Он не сказал, – виновато ответила девушка. – Он так часто делает, сбегает, и всё. А мы потом сидим и ждём.

– Вас как зовут? – спросил Григорий Иванович.

– Ой, простите, забыла представиться. Аксиньей меня зовут, – ласково произнесла девушка.

– Вам не за что извиниться, Аксинья...

Однако Бекендорф не договорил. Он увидел висящее на вешалке у входа светло-коричневое пальто, прикрытое сверху большой чёрной шляпой.

– Это его? – спросил Григорий Иванович, указав рукой на вещи.

– Да, Николая, – ответила хозяйка. – Он иногда выходит в таком виде.

Бекендорф задумался ненадолго и спросил:

– Мы можем подождать вашего супруга?

– Не думаю, что он скоро вернётся, – стала оправдываться Аксинья. – Обычно ближе к ночи приходит.

– Понятно, – ответил Бекендорф и пожевал губами. – Мы тогда, Аксинья, не будем вас беспокоить и зайдём в другой раз.

Женщина пожала плечами и не стала задерживать полицейских.

Они молча спустились и, наконец, отправилась обратно в Александро-Невскую часть. По дороге ландо остановилась у доходного дома Галунова на Калашниковском проспекте, где снимал комнату помощник.

– Приятных выходных, Аркадий, в понедельник жду вас на службе, – произнёс Григорий Иванович. – А за этот случай не переживайте, всякое бывает!

Оболенский поблагодарил следователя, пожелал ему и кучеру Тихону доброй ночи и отправился к себе домой в слегка приподнятом настроении.

Глава 6

Суббота. Утро

На следующий день Аркадий, проснувшись у себя дома, не спеша совершил утренний туалет и решил выйти на прогулку по Невскому проспекту в сторону здания Адмиралтейства. Наслаждаясь прекрасной погодой и выходным днём, он дошёл до Казанского собора, и ему попался мальчик, продающий газеты. Аркадий кинул мальчику пять копеек и получил взамен свежий выпуск газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Развернув её, он принялся читать на ходу, не смотря себе под ноги. Перелистнув очередную страницу, Аркадий встал как вкопанный посередине пешеходной части. Его взору попала следующая статья:

Из криминальной хроники газеты «Санкт-Петербургские ведомости»:

Самоубийство в городе!

Жуткий случай произошёл наемдни в нашей столице. В доходном доме Воронина покончила с собой княгиня Светлана Несвицкая, оставив после себя двух детей и горюющего мужа. Она сама соорудила себе виселицу на лестничной площадке, и её тело висело несколько дней, словно душа не могла найти выход. В квартире, где проживала погибшая, все вещи оказались перевёрнуты и раскиданы. Разбита дорогая

китайская ваза, испорчена картина известного художника, книги разбросаны по всей гостиной, и из них вырваны страницы. А в найденной предсмертной записке она просит никого не винить! Что, а главное, кто, подтолкнул несчастную женщину на этот роковой шаг? Какие мотивы побудили её совершить этот поступок? Плата за прошлые ошибки или новые неудачи в семейной жизни? Ответы на эти вопросы для меня и для всех нас пока остаются загадкой!

Репортёр газеты Василиса Всеищущая

Аркадий от возмущения начал метаться по Невскому проспекту, хватая воздух ртом и показывая газету немногочисленным прохожим. Люди шарахались от него и старались обходить, ускоряя шаг. Поймав первого попавшего извозчика, Аркадий помчался в Александро-Невскую часть, в надежде застать там следователя. Он ещё раз перечитал статью и мысленно старался подогнать извозчика, не решаясь высказать это просьбу вслух. Ему хотелось как можно скорее показать эту статью Григорию Ивановичу. На входе в часть ему попала темноволосая девушка в голубом платье, которая сидела у сторожа и плакала. Аркадий хотел было пройти мимо, так как дал обет безбрачия, но служебный долг взял своё. Он остановился, чтобы узнать причину её горя. Девушка оторвала руки от своего милого лица и, взглянув на него заплаканными глазами, произнесла жалобным голосом:

– Веер украли!

Аркадий хотел бы сказать, что это ерунда и пустяк и что

ему сейчас не до этого, но не смог вымолвить и словечка. Его будто парализовало при виде красивых и больших глаз незнакомки. Девушка тоже перестала всхлипывать и как будто забыла про свою пропажу. Они бы так и продолжали смотреть друг на друга, если бы за спиной помощника не раздался знакомый и грозный голос, принадлежащий следователю Бекендорфу:

– Аркадий, вы почему на службе в выходной день?

– Вот, газету украли! – показал Аркадий на скрученную газету.

– Так она же у вас в руках! – сказал следователь с иронией.

– Ой, то есть, девушку украли, а в газете написали про пропажу веера!

– Так вот же девушка сидит, – указал рукой следователь на посетительницу. – И когда это начинали публиковать статьи про исчезновение дамских аксессуаров?

– Я совсем всё напутал, – сконфузился Аркадий, а девушка окончательно успокоилась и пыталась сдержать смех, прижав свою прелестную ручку к губам.

Григорий Иванович решил прийти на помощь Аркадию и, представившись очаровательной незнакомке, узнал подробности её визита. Оказалась, что этот веер был не простой дамской безделушкой, а самым настоящим сокровищем. Он был из плотной и прочной шёлковой ткани, с изображением героев и сюжетов древнегреческих мифов. Пластины и рёбра веера были сделаны из слоновой кости, а лицевая пласти-

на украшена золотой сеткой с драгоценными камнями. И это был подарок на совершеннолетие девушке от любящей тётки. Сама девушка не помнит, где именно лишилась столь дорогой для неё вещи: то ли в саду, то ли в каком-то ресторане; и решила обратиться за помощью в полицию. Бекендорф клятвенно пообещал найти пропажу, и девушка покинула часть в приподнятом настроении. Видимо, этому способствовало не только обещание следователя, но и мимолётное знакомство с Аркадием, который молча стоял в стороне и всем своим видом показывал, что не слушает рассказа девушки.

– Ну, Аркадий, какая всё-таки истинная цель вашего визита? – спросил Бекендорф после того, как девушка упорхнула.

– Григорий Иванович, вы это видели? – пришёл в себя Оболенский и, наконец-то, вручил газету следователю.

Бекендорф принялся изучать статью, поднимаясь по лестнице на второй этаж. Аркадий следовал рядом.

– Это ещё что-то такое! – громко возмутился следователь, остановился на ступеньках и уставился на своего помощника. – Тело княгини висело несколько дней... Соорудила себе виселицу... Всё перевернуто... Ваза разбита... Испорчена картина... Книги разбросаны... Просит никого не винить... Неудачи в семейной жизни... – начал он повторять отдельные слова из статьи. – И кто такая это Василиса?

– Не могу знать! – ответил Аркадий.

Григорий Иванович свернул газету в кулак и произнёс:

– Хм! Если всё остальное можно сфантазировать, то имя погибшей, содержимое предсмертной записки и то, что она была подвешена за перила, – совпало! Значит, кто-то действительно там был помимо нас! – Оболенский решил промолчать. – Это нельзя так просто оставлять, – сказал Бекендорф и направился на третий этаж, оставив Аркадия стоять на ступеньках лестницы в полном недоумении.

Глава 7

Суббота. День

Григорий Иванович решил донести этот вопиющий случай до высшего руководства. Поднявшись по лестнице на третий этаж, он с уверенностью направился к кабинету обер-полицмейстера, зная, что тот также на посту, несмотря на выходной день. Бекендорф постучал и вошёл в кабинет.

В кабинете за большим столом с зелёным сукном в огромном кресле восседал обер-полицмейстер города Санкт-Петербурга Борис Петрович Лютиков. В руках у него также оказалась газета «Санкт-Петербургские ведомости». Борис Петрович был шестидесятилетним мужчиной тучного телосложения. Он носил аккуратно подстриженные бакенбарды, переходящие в пышные усы, и говорил протяжным, командным голосом. Борис Петрович поучаствовал во многочисленных войнах, коих свалилось на нашу страну в достаточном количестве в девятнадцатом веке, и, оставив службу в звании генерала, решил посвятить себя защите столицы от внутреннего врага. Как любой настоящий командующий, Борис Петрович обладал суровым характером и жёстким нравом, держал всех в строгой дисциплине и порядке. Но его фамилия, Лютиков, никак с этим не сочеталась. Поэтому за глаза его редко называли по фамилии, а использовали обра-

щение по имени и отчеству – Борис Петрович. Он тщательно скрывал своё семейное положение, однако на его столе стояла фотокарточка в рамке, которая была видна только ему. И если кто-то решался зайти на его сторону, он тут же оставив гостя или успевал положить рамку на стол изображением вниз. При личной беседе Борис Петрович всегда был доброжелателен, мягок и умел располагать собеседника к общению. Но такое общение собеседник должен быть заслужить своим беспрекословным подчинением и исполнением.

– А, судебный следователь, Григорий Иванович, проходи, любезный, – произнёс Лютиков, отложив газету, и опрокинул рамку с фотографией, зная привычку Бекендорфа ходить по кабинету и размышлять. – Почему в выходной день на службе?

– У меня такой же вопрос, ваше высокоблагородие, – мягко уточнил Бекендорф.

В кабинете возникла неловкая пауза.

Борис Петрович похлопал своими отёкшими глазами и встал со своего места. На нём был двубортный тёмно-зелёный китель с погонями из серебряного галуна⁶ с оранжевым просветом и серо-синие шаровары, заправленные в сапоги.

– Чем обязан? – откашлявшись, спросил он и протянул вперёд руку для пожатия, а это считалась высшим уровнем

⁶ Галун – это разноцветная узкая ткань в виде ленты или тесьмы плотного плетения из хлопчатобумажной или шёлковой нити.

уважения к гостю.

Григорий Иванович пожал руку в ответ и сел по приглашению Лютикова на стул перед гостевым столом. Борис Петрович сел напротив.

– Ваше высокоблагородие, прошу прощения, что беспокою, – начал Бекендорф. – Но я успел увидеть у вас в руках свежий выпуск газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и смею предположить, что вы уже в курсе этой статьи.

– Какой такой статьи, ты о чём? – удивлённо спросил Лютиков и стал мотать головой из стороны в сторону.

– Некой Василисы, про самоубийство княгини Несвицкой!

– А, каюсь, видел! – поморщился Борис Петрович и развёл руками. – Но ничего такого в этой статье нет! Ты за что переживаешь?

– Ну как же, во-первых, там приведены сведения, о которых могли знать только полицейские. А во-вторых, это информация может быть использована во вред проведения расследования!

– Какого такого расследования, Григорий, ты чего? Это же самоубийство! Ничего там расследовать, закрывай дело и всё на этом, дело с концом. Извини, что повторяюсь.

В кабинете опять повисла пауза. Мужчины долго смотрели друг другу в глаза не моргая. Бекендорф пожевал губами и в итоге сдался:

– Как скажете, ваше высокоблагородие!

– Ну вот и чудесно! Я всегда восхищался твоим трезвым умом и здравым рассудком, – сказал Лютиков, вставая из-за стола.

Бекендорф встал следом и направился к выходу. Борис Петрович подхватил его под руку в районе плеча и, слегка понизив голос, произнёс:

– Ты вот что, Гриша, про такие случаи докладывай мне лично. А я уже сам потом буду решать, что с этим делать, хорошо?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

Глава 8

Суббота. День

В смешанных чувствах вернулся Бекендорф в свой кабинет. Аркадий послушно ждал его там.

– Что сказал Борис Петрович? Мы арестуем репортёра? – спросил Оболенский, как только следователь зашёл в кабинет.

– Как вы поняли, что я был у него? – спросил в ответ Григорий Иванович.

– Ну вы же пошли на третий этаж, а там только он сидит.

– Но сегодня же выходной! – напомнил следователь.

– Но вы же здесь, значит, и он тоже должен быть, – парировал Аркадий.

В кабинете повисла неловкая пауза.

– Оставим это! – сказал Бекендорф. – И потом Аркадий, откуда у вас такое стремление за кем-нибудь проследить или кого-нибудь посадить за решётку? – Помощник пожал плечами. – Понятно! Ничего не сказал ваш обер-полицмейстер, – раздражённо произнёс Бекендорф и убрал газету в верхний ящик своего стола. – Закрываем дело!

– А как же сосед со второго этажа? Мы же его так и не допросили!

– И вы думаете, что он задушил княгиню и подвесил за

перила из-за того, что она отказала ему в ухаживаниях?

– Э-э-э, – протянул Оболенский. – Но у него же дома висели светло-коричневое пальто и чёрная шляпа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.